

Матьяна Алюшина

Любовь без права
на ошибку

Татьяна Александровна Алюшина
Любовь без права на ошибку
Серия «Еще раз про любовь»

текст предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744425

Татьяна Алюшина. Любовь без права на ошибку: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57389-9

Аннотация

Василиса не верила в серьезные отношения, так же, как и Влад. Они никогда не думали, что смогут по-настоящему полюбить. Но, случайно встретившись, поняли, что расстаться уже не смогут. Им был дан редкий шанс найти друг друга. Но у каждого своя жизнь, свои мечты, свое продуманное будущее. И пожертвовать всем этим так непросто! А жизнь уже приготовила тяжелое испытание, пройдя через которое они либо сохранят свою любовь, либо навсегда ее потеряют.

Татьяна Алюшина

Любовь без права на ошибку

– Чем дальше в лес, тем чудесатее и чудесатее, – сворачивая на очередной рекомендованный стрелкой и голосом навигатора поворот, поделилась я опасениями. – Уж послала нас бабушка так послала, – осторожно объезжая колдобину на дороге, продолжала я. – Как думаешь, Герцог, какая засада нас ждет впереди?

Вместо ответа меня удостоили высокомерным скептическим взглядом карих глаз. Недвусмысленно выказав таким образом свое отношение ко мне и к обстоятельствам в целом, обладатель волооких очей демонстративно отвернул голову, предпочитая разглядывать пейзажи за окном, чем общаться со столь не достойной его внимания особой.

– Вот никогда от тебя не дождешься поддержки и понимания, – привычно возмутилась, посмотрев ему в затылок. За что была вознаграждена странным звуком – не то мелкий чих, не то в высшей степени презрительное хмыканье. – Нет, все-таки ты редкостная скотина!

Скотина на данное замечание никак не отреагировала, так же привычно проигнорировав мое негодование.

Ах да, кстати. Это Герцог. Он же Франкенштейн, он же

Жоффрей де Пейрак, в зависимости от моего настроения и степени гневливости на него, и он же Его Высочество. Прошу любить и жаловать!

По божественной задумке, вообще-то пес отряда собачьих, разновидности декоративных мелких пород, в народе презрительно именуемых шавками. И никоим образом не подходящий ни под одно из этих определений.

Видимо, Творец решил поэкспериментировать и смешал в одном флаконе все какие можно декоративные собачьи породы, а, получив результат, сам ужаснулся содеянному и, украдкой озираясь по сторонам – не заметил ли кто! – скомкал бумажку и быстренько выкинул на землю от греха подальше. Ну а на грешной кто-то это мутантское чудо подобрал, кое-как разгладил божественный пергамент, и получился данный экземплярец.

Около трех килограммов веса на высоких тонких ножках, с непропорциональной телу большой головой, с огромными, еще более непропорциональными всему остальному ушами, недоприплюснутой до конца мордой – баловалась, видать, прабабка с пекинесом, и получилось что-то вроде обрезанного передка грузовика в миниатюре. Зато глаза ему достались вообще черт-те от кого – большие, карие, с поволокой, почти человеческие. Создавалось такое впечатление, что морда состоит только из этих глазищ и оскала, над которыми гордым торчком стояли огромные уши в нежной жиденькой опушке непонятного цвета.

С окрасом и растительностью Герцогу тоже не подфартило. Шерсть – так, ни два ни полтора – начиналась от затылка, немного густела на загривке и груди, заметно редела к попе, на коей уже обозначала себя короткой опушкой, и заканчивалась полным позором на коротком хвосте в виде мелкого подшерстка, из которого тянулось несколько длинных волосин, как на голове облысевшего дедка.

С экстерьером тоже... как бы это сказать... не сложилось. Вернее, сложилось, но уж больно причудливо. Голову Герцог всегда держал гордо вскинутой, как лев – царь зверей, честное слово! Вообще, перед впечатлял высокомерной статью, а вот задок оплошал – то ли вследствие травмы, то ли от рождения, но скособочило задние лапы, и тощую, почти лысую попку, больше похожую на дулю, сильно смахивавшую на эдакий ответ миру на его претензии к данному индивиду, заметно сносило вправо.

Все его тело покрывали следы от ран и укусов, полученных в нелегкой борьбе за выживание. А левое ухо, которое было когда-то почти оторвано, практически полностью перечеркивал большой белый шрам, не зараставший шерстью, – память о боевом прошлом.

Два года назад я нашла его у подъезда бабушкиного дома: уже открывала подъездную дверь, когда заметила справа на дорожке непонятный предмет – какое-то небольшое животное, скорее всего кошка бездомная, покрытое ранами и кровоподтеками.

Что меня дернуло посмотреть? Ну животное, ну прибила какая-то сволочь людская, походя, от жестокости тупой. А вот потащилась же!

При ближайшем рассмотрении предмет оказался псом. Маленьким замученным псом. Он был жив и в сознании, но не скулил, не пищал, лишь надсадно дышал с хрипом и смотрел на меня абсолютно человеческим, осмысленным взглядом, переполненным укором, болью и гордой непокорностью судьбе. На боку у него был вырван кусок шкуры с мышцами, явно укус большой собаки, левое ухо практически оторвано, из более мелких многочисленных ран сочилась кровь.

Его всерьез потрепали дворняги, но раз не прикончили до конца, значит, он сумел отбиться и убежать! Да так убежать, что и не догнали, и не нашли!

– Сейчас, миленький, потерпи, – пообещала я непонятно чего и мотанула к машине.

Я подогнала свой «крузак» прямехонько под подъезд, как можно ближе, в багажнике из сумки со спортивной снарядой достала полотенце, вытряхнула кроссовки из пакета, постелила его на переднее пассажирское сиденье и, оставив дверцу распахнутой, поспешила к страдальцу.

Он не скулил, не визжал и не огрызался, когда я с максимальной осторожностью заворачивала его в полотенце и переносила в машину, только вздыхал тяжело, совсем по-людски.

– Потерпи! – попросила я его, заводя машину.

Так, куда его везти? Живность никакую я отродясь не держала, никогда не заводила, не подбирала на улицах и у родителей не выклянчивала. Даже в нежном детстве не мечтала о домашнем питомце или живом зоологическом уголке, имея совершенно иные увлечения и пристрастия.

Я позвонила Жанне, хозяйке клок шерsti на ножках, именуемого Жозеттой, суперпородистой йоркширицы со стервозным характером. Может, по причине мерзкого характера этой сучки она и всплыла первой в моей памяти. Жанна, посочувствовав несчастной собачке, немедленно дала адрес ветеринарной клиники, в которой обслуживали Жозетточку.

Несчастливая собачка, немного отогревшись, дважды попыталась меня укусить, намереваясь подороже продать свою тяжелую жизнь, без какого-либо предупреждения рыком, когда я потрогала ее нос, проверяя, не подохла ли она вообще, чем вызвала мое глубокое уважение. Боец!

И я наконец ее внимательно рассмотрела, немало подивившись причудливым выкрутасам природы, больше смахивавшим на неудавшийся эксперимент сумасшедшего ученого.

– А ты красавчик, – порадовала я песика впечатлением, произведенным на меня его внешностью.

Когда я ввалилась в клинику с требованием скорой медицинской помощи животному, персонал, рассмотрев пострадавшего, грозно потребовал, чтобы я немедленно вынесла ЭТО из их приличного заведения! И пригрозил выдворени-

ем моего тела вместе с ношей ротой охранников за пределы их приличного учреждения.

Я как-то не сообразила, что в эту супер-пупер-навороченную клинику возит своих пусиков, мумусиков и люлюсиков весь московский бомонд, вставляя в их зубки бриллиантики и делая пластические подтяжки их жопам.

Нет, нам такая клиника ни за каким хреном не подойдет! Нам нужна нормальная ветлечебница, где действительно спасают и по-настоящему лечат!

– Потерпи еще немного, – попросила я подопечного, быстро просматривая в смартфоне список ветеринарных заведений.

Ага! Вот это в самый раз! Скорая оперативная помощь, хирургия и даже стационарное лечение! Так, как нам лучше проехать?

Я добралась быстро, минут за сорок. Медсестра в приемном отделении, только глянув на животное, вызвала тут же по селектору дежурного врача и быстро проводила меня в приемную комнату хирургии.

Дежурным врачом оказался кряжистый невысокий мужчина лет за пятьдесят, представившийся Алексеем Леонидовичем.

– Где вы нашли такого Франкенштейна? – чуть улыбнулся он, осмотрев пса.

– А где таких находят? – слегка агрессивно ответила я.

– М-да, – протянул доктор и осмотрел на сей раз меня с

ног до головы весьма красноречивым взглядом, сделал выводы и с неприкрытой неприязнью спросил: – А вы уверены, что хотите его спасти?

– Я же его привезла. – Я смутно предполагала, к чему он ведет.

– А зачем? – подтверждая мои предположения, в том же тоне, но с новой ноткой брезгливости продолжил врач. – В вашей гламурной тусовке неделя добрых дел? Акция «Поможем бездомным животным» с демонстрацией на камеры телевидения? И месячником обсуждения в клубах: какие мы хорошие девочки?

Понятно. Заценил, значит, мой несравненный девичий образ должным образом. Как говорил герой известного всем фильма в исполнении еще более известного артиста: «Ну, это нормально!» Я вообще на людей произвожу именно такое впечатление, кстати, сей имидж тусовочной красотули поддерживаю со всяческим тщанием, старательностью и удовольствием.

– Про акцию не слышала, а песика вылечите, пожалуйста...

– ...а вы его потом на улочку назад отпустите, – ерническим тоном закончил он за меня якобы мою мысль.

– Нет, – без дураков, на этот раз нормальным голосом с нажимом пообещала я. – Останется со мной жить, если захочет, конечно.

– Ладно, – после минутного раздумья согласился доктор. –

Подождите в коридоре, операция будет долгой, и успех не гарантирую.

Вот так в мою жизнь попал Герцог. Операцию он выдержал. А то как же, с таким-то характером! Его жизненное кредо: если тебя съели, у тебя все равно есть два выхода! И я бы сильно не позавидовала тому, кто таки умудрился бы его сожрать! Эта упертая тварина ни за что не стала бы выходить «в заднюю дверь», и неосмотрительный гурман сдох бы от несварения и заворота кишок! Вот ей-богу!

Он поправлялся долго, попутно пса лечили от многочисленных болезней, приобретенных им в бездомной дворняжьей жизни, ставили все положенные прививки, откармливали. За время, проведенное в стационаре, он стал героем и любимцем всего персонала. Поразительным образом в нем сочетались внешнее уродство и сильный характер благородного бойца, по аналогии с человеком можно сказать: врожденная дворянская гордость и благородство крови.

Не смейтесь. Именно так! Ну и высокомерие – этого так вообще вагон!

Когда я пришла навестить его после операции, что-то там засюсюкала по людской идиотской привычке обращаться таким образом с мелкими представителями животного мира, он так посмотрел на меня... Типа, что тебе, убогое создание, от меня надо? Шла бы ты куда подальше!

– Ну прямо герцог! – возмутилась я такой наглостью.

Вот так он и стал Герцогом.

А молоденькая медсестра, которая ухаживала за послеоперационными подопечными, умиленно и восторженно поскривив глазками, сказала мне:

– Он похож на Жоффрея де Пейрака. Ну помните, из «Анжелики»? Когда они снова встретились, она считала, что он погиб, а он выжил. Его и на костре жгли, и пытали, он весь в шрамах, хромот, страшный, но гордый и красивый и всех победил!

– Похож, – согласилась я, правда, признаваться, что книжек про Анжелику не читала, не стала.

Кстати, доктор Алексей Леонидович сказал мне, что Герцогу не больше трех лет. Ничего себе, жизнь у него была эти три года!

Заштопанного, здорового, прибавившего в весе и привитого Герцога в новом противоблошином ошейнике я перенесла через порог своего дома, поставила на пол и пригласила:

– Ну проходи, обследуй территорию твоего нового места проживания!

Он встряхнулся всем тельцем, одарил меня презрительным взглядом и не спеша пошел обследовать. Я спохватилась, что он сейчас примется мне тут территорию метить. Мама дорогая! Это же дворняга дикая, а я его в свой уютенький домик приволокла!

Метить! Сейчас! Герцог, он и в московских хоромах герцог! Не иначе как упомянутый – как его там? – де Пейрак ре-

инкарнировался в этом создании в той самой своей последней ипостаси: искалеченный, но непобежденный!

По крайней мере мой Франкенштейнчик вел себя именно так. Он никогда не гадил в доме, не чесал задними лапами за ухом, я ни разу не видела, чтобы он себя вылизывал в причинном месте. Он не делал суетливых движений, не бегал шавочной торопливой трусцой, цокая когтями по полу. Даже если был очень голоден, а я поздно возвращалась с работы, он размеренно-неспешно проходил в кухню, укладывался возле своих мисок и никогда – никогда! – не заглядывал заискивающе мне в лицо, не вилял ласково и радостно хвостом и ничего не выпрашивал. Вот ни разу!

Он обожает купаться в ванной, ненавидит любой парфюм, при этом от него не воняет псиной, презрительно отвергает любые консервы и собачьи корма и ест только свежее мясо, видимо, компенсируя все те годы, что пришлось довольствоваться чем ни попадя, любит салатные листья и свежие огурцы и фрукты.

Я его уважаю и не понимаю, как могла жить раньше без него. Он меня терпит, по большей части выражает явное сомнение в моих умственных способностях, категорически не приемлет никаких поводков и ограничения свободы, максимум, на что согласился, – на ошейник от блох, на который я прикрепила подвеску с его именем и адресом. Он не позволяет чесать себя за ушами и вообще никаких нежностей, если подхватить его на руки и посюсюкать, можно впол-

не реально нарваться на предупреждающий боевой оскал. Но если Герцогу хочется понежничать, он приходит сам, никогда не залезает на колени, а укладывается рядом и греет мои ноги своим боком.

Он аристократичен, холодно-презрителен, умен по-человечески, и он вцепится мертвой хваткой в горло любому, кто попробует меня обидеть.

Из детского автомобильного кресла я сделала специально поднятое повыше сиденье с ремнями безопасности для него, которое стоит на пассажирском месте впереди – его законом, исключения не делаются ни для кого, остальные пассажиры ездят теперь в моей машине только сзади.

Вот так мы и живем.

Но что-то я отвлеклась. Я всегда так в дороге – думаю о разном, а если что-то вспоминаю, то как кино просматриваю: красочно, подробно, с деталями. Дорога к этому располагает, а я очень люблю дорогу.

Так вот о причине, по которой мы с Герцогом оказались за пятьсот с лишним километров от любимой нами Москвы, среди красивейших мест между реками Волхов и Мста, и приближаемся к искомому поселку с замысловатым названием.

У меня есть бабушка Лидия Архиповна, мамина мама. Бабушку свою я люблю и даже тайно обожаю, не могу ей отказать ни в чем и стараюсь тщательно баловать.

Ей восемьдесят лет, и последние годы она сильно прибавляла, но крепилась, бодрилась, а вот полгода, как стала резко сдавать и два месяца назад совсем слегла.

Врачи уверяют, что надежда на улучшение есть, а бабуля отмахивается от их прогнозов:

– Да чего там... – недовольно бурчит она. – Я сама врач и получше их про свои болезни все знаю. Да и надоело болеть и болеть, чего задерживаться!

А третьего дня позвала меня для серьезного разговора.

– Васенька, просьба у меня к тебе, – с каким-то совсем уж строгим выражением лица, взяв меня за руку, сказала она, – отвези мое письмо одному человеку, получи ответ хоть письменно, хоть устно и привези мне. Я обязательно дождусь.

– Ба, ты что, умирать собралась? – возмутилась я.

– Собралась, внученька, – кивнула бабушка и посуровела: – И нечего слезы лить! Ничего в этом страшного нет, жизнь пострашнее будет! Да и всем свое время приходит! Или ты хочешь, чтобы я лежала и болями мучилась!

– Я хочу, чтобы ты была живая и здоровая!

– Я бы тоже не отказалась, – усмехнулась бабушка и снова стала торжественно строгой. – Не отвлекай меня на ерунду, у меня не так много времени осталось. Слушай внимательно. У меня была закадычная, самая лучшая подруга с детства, Надя...

Она долго рассказывала, я слушала зачарованно, погружившись в любви и страсти, дружбы и предательства, смер-

тельные ситуации и спасения далеких дней, плакала, не замечая своих слез, и поражалась силе и красоте той жизни, которую они проживали молодыми.

– Почему ты никогда раньше об этом не рассказывала? – потрясенно прошептала я, когда она закончила.

– Не хотела ворошить прошлое, в котором чувствовала себя виноватой. Да и зачем вспоминать о своих ошибках!

– И ты ни разу не попыталась с ней встретиться, поговорить?

– Пыталась. Один раз, когда открылся этот обман. Но тогда все было свежо и больно, и она не захотела меня услышать и простить. – Бабушка помолчала, находясь там, далеко, в своем прошлом. – Я не хочу умирать, не попытавшись все объяснить ей.

– Ба, а если она... – Тут я споткнулась маленько, но вопрос закончила: – ...умерла уже?

– Нет, не умерла, – уверенно возразила бабуля. – Все эти годы я поддерживаю связь с несколькими своими односельчанами. Некоторые давно в город перебрались, а кто и остался. Так, пишем друг другу изредка, перезваниваемся когда-нибудь, но про их жизнь и что там у нас происходило все эти годы я знаю. Вчера специально позвонила одной старой знакомой, узнала, что Надя жива, только переехала. Недалеко, в какой-то новый поселок, рядом со старым, на другом берегу реки. Ты знаешь, какие у нас там места замечательные! Красота, природа сказочная, немудрено, что

новые поселки вырастают. Съезди, Васенька, исполни мою просьбу.

– Ба, ну ты чего? Разумеется!

– Вот письмо. – Она передала мне пухлый конверт из плотной почтовой бумаги, на котором большими четкими буквами были написаны адрес и имя получателя, и попросила как-то беспомощно, по-детски: – Ты ответа дождись, любого, не уезжай без ответа.

Я кинулась ее обнимать, расцеловывать, разревелась, конечно, и, прижавшись к любимой бабулиной, такой родной мягкой щечке, твердо пообещала:

– Костями лягу, поселюсь там у нее, а ответить заставлю!

– Костями не надо, – бабуля успокаивающе поглаживала меня по голове. – И не пугайся уж так, я завтра помирать не собираюсь. Вот тебя дождусь, а там, может, и поживу еще.

Следуя указаниям навигатора, я повернула налево, подивившись прекрасному качеству новой дороги после полукилометрового промежутка, разбитого в хлам, с которого свернула. Впереди просматривался мост через небольшую речушку, а за ним поворот направо, о котором тут же напомнил спутниковый «сусанин».

Когда я купила новый навигатор, меня сильно напрягали комментарии бабским голосом, и я, покопавшись в нем, перепрограммировала голосовое сопровождение на эротический мужской баритон. Увлечшись творчеством, решила бы-

ло добавить пару-тройку нежненьких определений в его словарный запас, но, почесав свою красивую умненькую головушку, отказалась от такой затеи. Представила, что вот поездишь так денек, когда тебе говорят: «Через сто метров поверни направо, дорогая. Езжай прямо, любимая», и поняла, что неизбежно к концу дня возникнет устойчивое и непреодолимое желание убить всех носителей эротических мужских голосов к бениной маме!

Первый раз услышав комментарии на приборе в исполнении уже мужского голоса, Герцог многозначительно хмыкнул и снисходительно посмотрел на меня.

Ему хорошо, у него с личной жизнью полный порядок – оприходовал всех мелких сучек нашего и окрестных дворов, к ужасу и возмущению беспредельному их хозяев и моей компенсации им в виде пардона за его сексуальную неумелость. Даже как-то раз умудрился провести данный акт с дворнягой раза в два больше его. Как, спросите вы? А элементарно, с его-то умищем: притер сучку к высокому бордюру, она себе стояла как миленькая, ну, а он неспешно со всем справился. В этих делах он тоже не суетится. Кобель боевой, одним словом! А вот у хозяйки с личной жизнью большой пробел.

Опять отвлеклась!

Поселок открылся из-за небольшой рощицы во всей красе! А ни фига себе поселочек-то! В таких бабульки обездоленные не живут! Сплошь современные деревянные дома,

такие, знаете, из больших цельных бревен, это как-то называется, но я в строительстве ни бум-бум, поэтому пусть они себе так называются и дальше. Общая картина такова: на больших просторных участках стоят двух-, трехэтажные дома с пристройками, верандами, отдельно стоящими домиками, наверное, банями, где-то и летние беседки видны современной архитектуры, с явным участием продуманного дизайна и ландшафта. И, между прочим, весьма хорошая дорога, достаточно широкая. И вся эта красота утопает в деревьях, начинающихся цветах, ярко-зеленой травке. Очень красиво!

А туда ли я попала, возникает сам собой актуальный вопрос. Мне как-то домик восьмидесятилетней бабушки несколько по-иному представлялся – пусть и не халупа разваливающаяся, но и не палаты боярские, уж точно!

Я притормозила, сверилась с адресом. Поселок искомый, верняк – перед въездом на мост указатель стоял, а вот улица другая. Я приняла влево, прижалась к обочине рядом с воротами ближайшего дома, выключила мотор и отстегнула ремень.

– Пойду спрошу, – сообщила я Герцогу.

На каменном столбе калитки нашелся не просто звонок, а домофон! Ну лады! Я нажала кнопочку вызова, мне любезно ответили и столь же любезно объяснили, как найти нужную улицу.

Да у них тут Версаль, ей-богу! Это я так, от нервов ерни-

чаю.

Улицу и дом я нашла быстро. Оказалось, что через мост – это второстепенный въезд, а главная дорога проходит именно по той улице, которая мне нужна. Просто я ехала кратчайшим маршрутом от Москвы, а центральная трасса – со стороны Питера.

Дом был трехэтажный, большой и красивый, но из-за высокого забора просматривался только от второго этажа.

Лично я за высокие заборы! Вот противница я европейской и американской открытости и демократичности во всем вплоть до личной жизни и их же подозрительности с элементами тотального контроля и стукачества на соседей: а мало ли что вы там за своим забором делаете? А не ваше собачье дело, что я за своим забором делаю! Вот голой гулять люблю по газонам! У вас вон и открытость, и контроль, а маньяков раз в десять больше, чем у нас, находят закрытые места для обитания.

Вообще-то меня поколачивало немного, и нервничала я, вот и болтала про себя всякую ерунду, но на кнопку домофона нажала вполне решительно.

– Да, – где-то через минуту ответил мне моложавый женский голос.

– Здравствуйте. Мне нужна Надежда Ивановна Битова.

– Кто вы и по какому вопросу ее разыскиваете? – спросили спокойно, без подтекстов.

– Меня просили передать ей письмо, – неопределенно со-

общила я о цели своего визита.

– Подождите, – после непродолжительного молчания попросили меня, не настаивая на дальнейшем выяснении посредством домофона.

Где-то хлопнула дверь, я услышала шаги за калиткой, щелкнул замок, отворилась дверь, и я увидела приятную женщину лет пятидесяти простой наружности.

– Проходите. – Она закрыла за мной калитку и провела меня в дом.

Мы поднялись по ступенькам, вошли в большую светлую прихожую, скорее холл, и через него прошли в огромную, удивительно уютную и современную гостиную.

Но мне было не до рассматривания интерьеров – на встречу нам шагнула, поднявшись из большого кресла, пожилая женщина. И вот на нее-то я смотрела не отрываясь.

Строгое и одновременно доброе, располагающее лицо, я бы сказала, даже симпатичное, ее движения не выдавали никакой старческой немощи, скорее наоборот: живость и подвижность. Такая простая, но мудрая старушка.

– Здравствуйте, – улыбнулась она мне. – Я Надежда Ивановна. И от кого же мне письмо?

– Здравствуйте, – улыбнулась я в ответ и представилась: – Меня зовут Василиса Антоновна Инина, лучше просто Василиса, я внучка Лидии Архиповны Ладожской. Это она просила меня передать вам письмо.

Взгляд Надежды Ивановны сделался растерянным, она

словно поникла вся, неосознанно протянула руку в поисках опоры и шагнула назад к креслу. Я кинулась ее поддержать одновременно с женщиной, стоявшей все это время у меня за спиной и оттолкнувшей меня сейчас.

– Вы ее расстроили, ей нельзя волноваться! – Она подхватила Надежду Ивановну под локоток, подвела к креслу, усадила и строго приказала: – Оставьте свое письмо и уходите!

– Нет, Вера, – возразила Надежда Ивановна тоном привыкшего руководить человека. – Девочка останется! – И отдала приказ уже мне, указав на диван напротив: – Садись!

Ну я не Аленушка, безответно узурпируемая, мне особо не поприказываешь, но в данной ситуации решила характер не выказывать и приняла приглашение, устроив свою красивую попку на уютной подушке большого кожаного дивана.

Надежда Ивановна успокоила непонятную мне пока Веру, сказав, что с ней все в порядке и не о чем волноваться. Та, недобро на меня глянув, отошла от старушки, но из комнаты не вышла, оставшись стоять на страже интересов подопечной.

– Как она? – сурово посмотрела на меня Надежда Ивановна.

– Болает.

Я не стала говорить, что бабушка умирает, пахивало это шантажом на чувствах, типа «не откажете же вы умирающему в последней просьбе». Но старушка поняла все правильно, внимательно рассматривая выражение моего лица. Ум-

ная бабушка, это я сразу просекла.

– Сколько тебе лет, Василиса? – немного смягчила тон бабулина бывшая подруга.

– Двадцать семь, – отрапортовала я.

– Замужем?

– Нет.

– Дети есть?

– Нет, – понемногу заводясь на холостых оборотах, односложно отвечала я.

– Да ты не обижайся, Василиса, мне просто интересно, – закосила под простоту деревенскую ушлая старушенция.

Ага! Что-то мало верится! Вон как построила Веру, тоже далеко не пушистую, судя по всему, и тон командирский отточен до прозрачности лезвия.

– А еще внуки у Лиды есть? – совсем перейдя на нейтральные голосовые тембры, продолжила спрашивать она.

– Нет, я одна такая бабушкина, – не стала кукситься девочка Вася, охотно отвечая на вопросы.

– Так у нее вроде бы сын старший был? – удивленно приподняла брови Надежда Ивановна.

Ага! Значит, информационная связь с односельчанами работала в обе стороны и поддерживалась не только моей бабулей!

– Ну почему был? Дядь Леша жив, шестьдесят лет ему, он сводный брат моей мамы, сын бабушки от первого брака. У него тоже был сын от первого брака, но умер, больше де-

тей у него не было ни в одном из пяти последующих супружеств, – решительно предупредила я возможные вопросы и вздохнула тяжело для красочности рассказа с далеким прицелом на предмет примирения бывших подруг. – Бабушка говорит, дурные гены во всей красе.

– А что мы так сидим? – огорошила неожиданным вопросом Надежда Ивановна и улыбнулась мне доброй, открытой улыбкой. – Ты прямо из Москвы приехала, деточка?

– Да, – немного ошарашенно подтвердила деточка свой маршрут следования.

– На машине?

– Ну, да, – кивнула я.

– Ну, вот, – не пойми с чем согласилась она, поднимаясь с кресла, и пояснила: – Целый день за рулем, устала, голодная, а я на тебя с расспросами накинулась. – И распорядилась: – Давай загоняй машину в гараж, заноси свои вещи, Вера тебе комнату покажет, где расположишься, и будем обедать. Там, за столом, неспешно и поговорим.

От такого напора я как-то опешила немного. В моем замечательном мозгу закопошилась тень сомнения: с чего это такое гостеприимство? Уж на что, на что, а на столь радушный прием я никак не рассчитывала. А как раз ровно наоборот, в том ключе про «костями лягу!», обещанное бабуле, и даже забронировала номер в гостинице по Интернету в ближайшем городе, приготовившись к долгой осаде.

Воспитанной скромной девочкой я не была уже в утро-

бе и начинать учиться этому глупому делу не собираюсь и впредь. От неожиданно выпадавших удачных возможностей никогда не отказывалась и вам не советую, другое дело – цена вопроса.

Кто дает и что за это хочет?

Что хочет за свое широкое гостеприимство Надежда Ивановна? И готова ли я платить не озвученную пока, но, безусловно, обязательную цену? С этими хитрыми старушками только расслабься, и уже становишься юным румяным волонтером.

Это я для своей бабушки по углям босиком пройду, если надо, а все остальные бабушки меня как-то мало интересуют, пусть ими занимаются их собственные внуки.

Руководствуясь данным личностным постулатом, пришлось спросить:

– Надежда Ивановна, бабушка просила отдать вам письмо, получить ответ в любой форме, хоть письменной, хоть устной. Она не очень верит, что вы вообще ответите, вы же с ней в ссоре и обижены на нее. Так почему же вы меня приглашаете? Хотите, чтобы я рассказала вам про ее жизнь, а отвечать на письмо не будете?

– Я ждала весточки от Лиды шестьдесят лет, не торопи меня, деточка, когда я ее все-таки получила, – печально, но строго ответила она.

– А почему же тогда вы сами не связались с ней, не написали? – удивилась я такому раскладу.

– Гордыня. Самый тяжкий грех, – вздохнула тягостно Надежда Ивановна. – Письмо читать буду долго и несколько раз, отвечу обязательно, но и писать буду долго. Такие письма за час не пишутся. А ты пока поживи со мной, уж не обижай отказом. У нас здесь места необычайной красоты, речка, пляж, и люди сплошь солидные живут, не абы кто. Отдохнешь, воздухом чистым подышишь, мы с Верой Николаевной тебя угощениями побалуем натуральными, деревенскими. А ты мне потихоньку и неспешно про Лидину жизнь расскажешь, что знаешь.

Вообще-то не самый высокий тариф за проживание в домике такой комфортности, к тому же, готовясь к долгой осаде, я предусмотрительно взяла на работе неделю от своего основного отпуска, и ничего, что середина мая, а не лето. Май я как раз очень люблю, а уж на природе в натуральном виде, так сказать, и с комфортом и подавно!

– Договорились, – огласила я свое решение, но предупредила: – Я не одна.

– С другом, что ли? – Что-то такое, похожее на разочарование и досаду, мелькнуло у нее в глазах.

– Можно сказать и так, – усмехнулась я. – С собакой. Вернее, он мужского рода, кобель по половым признакам и по всему остальному тоже кобель.

– Мы же деревенские, – заулыбалась Надежда Ивановна, и Вера Николаевна следом за ней. – Что мы, кобелей не видели!

– ТАКОГО не видели, – предупредила я.

Мне выделили для проживания большую светлую гостевую комнату на втором этаже. Напротив, через коридор, дверь в дверь, располагалась туалетная комната с современной душевой кабиной, раковиной, унитазом и биде, без излишних дизайнерских наворотов, но очень симпатично, функционально и, главное, просторно. Туда я первым делом пристроила и туалет Герцога, который он поспешил посетить. А я вернулась осматривать свои апартаменты.

Ну что: большая двуспальная кровать с удобным ортопедическим матрасом справа, расположенная изголовьем по центру стены, по бокам две тумбочки, небольшое уютное кресло у окна, у стены напротив кровати низкий стеллаж, на нем плазма телевизора, у окна большое зеркало, с другой стороны от телевизора небольшой шкаф и справа от двери трюмо. Лаконично, стильненько, симпатичненько, чтобы гости не задерживались особо долгим проживанием, но при этом не испытывали дискомфорта.

Единственным диссонансом сдержанной обстановки комнаты являлось огромное окно напротив двери, за плотными шторами которого открывался потрясающий вид на реку и дальше, дальше по невысоким холмам с выпирающими седыми проплешинами нагромождения камней, сосенками, кустарником...

Ладненько, более подробным ознакомлением с природными красотами края займемся позже, а сейчас есть дела поак-

туальнее!

И первым номером в списке дел стоял звонок бабушке. Я плюхнулась животом на кровать, по ходу проверяя ее удобство, и позвонила бабуле, подробно отчитавшись о встрече с Надеждой Ивановной. К концу разговора она совсем расчувствовалась и даже всплакнула и благословила меня «на проживание» и разговоры с бывшей подругой.

Звонок номер два – папеньке, с уведомлением, как я добралась до места, как меня встретили и приветили и перспективах неожиданного отдыха.

Так! Отзвонилась, теперь бы душик принять. Но душ, видимо, придется отложить, ограничившись мытьем ручек перед обедом.

Я была остановлена в своих устремлениях в сторону душевой вошедшей в комнату Верой Николаевной.

– Вот белье вам принесла, – вполне дружелюбно сообщила она, положила белье на кровать и с сомнением поинтересовалась: – Сами-то застелете?

– Справлюсь, – пообещала я, подтвердив заявление кивком.

– Василиса, – обратилась она примирительным тоном, – вы не обижайтесь на меня, что я там вас шуганула. У Надежды Ивановны гипертония, да и сердце пошаливает, мы за нее беспокоимся и оберегаем от волнений.

– Я понимаю, – уверила я со всей откровенностью.

– Ну и хорошо, – порадовалась женщина и пояснила: – Я

здесь вроде домработницы и сиделки, еще девочка приходит два раза в неделю, убирает и за порядком следит, Василич раз в неделю тоже приходит, за всякие приборы, электричество там и все такое техническое он отвечает. Вот и весь наш коллектив.

Тянуло уточнить: «За чей счет банкет?», то есть поинтересоваться, а на какие трудовые доходы или под чьим патронажом такая обеспеченная комфортом и уходом старость простой сельской труженицы?

Но эти вопросы были из разряда тех, которые стоило придержать и ответы на которые всенепременно найдутся и сами, без моего непосредственного участия, в ходе диалога, так сказать.

А Вера Николаевна вдруг заговорщически призналась:

– Надежда-то обрадовалась знаете как: и письму, и вам!

– Да? – поддержала я интригу.

– Э-э-э... Еще как! Это она просто виду не показывает. А весточки от вашей бабушки, видать, и в самом деле шестьдесят лет ждала. – И покачала головой, досадуя: – И чтоб им давно ни помириться, видать, упертые обе, только держись.

– Эт точно! – заверила я ее.

Как я и предполагала, Герцог произвел на женщин неизгладимое впечатление.

Так получилось, что представить Его Высочество дамам мне удалось только перед обедом. После того как я приняла

приглашение остаться и погостить, Надежда Ивановна ушла в свою комнату принимать лекарства и отдохнуть, а Вера Николаевна сразу показала мне мою комнату, потом открыла ворота на участок, а когда я заехала в гараж, махнула рукой на дверь, ведущую из гаража в дом, и пошла запирать ворота.

Мы, посоветовавшись с Герцогом, решили, что он воздержится от обследования участка и использования его в виде естественного туалета до разрешения хозяев. Поэтому я транспортировала его и вещи в наши временные апартаменты на собственных нежных, красивых плечиках и руках.

А вот когда мы, повинувась зову Надежды Ивановны, спустились со второго этажа и прошли через гостиную, через большие стеклянные двери, ведущие на задний двор, и вышли на широкую веранду, где располагался большой гостевой стол, я и представила Герцога, гордо шествовавшего рядом со мной.

– О господи! – воскликнула Вера Николаевна, всплеснув руками от чувств. – Что ж он такой страшненький? – И, оставив хлопоты у стола, подошла к нам, наклонилась к Герцогу и спросила с ноткой жалости сердечной к убогому существу: – Можно его погладить?

– Не советую, – честно предупредила я.

– Что, укусит? – не поверила женщина, рассматривая «несчастную собачку».

– Укусит, – не порадовала я ее.

– Молодец! – похвалила Надежда Ивановна и попроси-

ла: – А ну-ка подведи его ко мне, рассмотреть хочу.

Она сидела во главе большого овального стола в конце веранды, у перил в удобном плетеном полукресле, куда Герцог и направился без моих приказов.

Ну да! Приказывать Герцогу?! Ну-ну. Я пыталась несколько раз, еще в начале наших отношений, но нарвалась на сарказм в собачьем исполнении и чистой воды издевательство в виде ответного фи действием. После чего глупые попытки руководить гордым животным бросила навсегда, предпочитая им мирные переговоры.

Кстати, с Герцогом можно только договориться, и вполне даже успешно, что мы с ним и практиковали в нашей совместной жизни.

Опять отвлеклась, а между прочим, происходило интересное.

Надежда Ивановна развернулась вместе с креслом от стола, чтобы было удобнее рассматривать пса, наклонилась вперед, а Его Высочество гордо стоял напротив нее и, в свою очередь, внимательно рассматривал пожилую женщину.

– Красивый, – постановила Надежда Ивановна безапелляционным тоном, разворачивая кресло в исходное положение, посмотрела еще раз на Герцога и улыбнулась: – Вояка. Владу точно понравится.

– Что ему дать покушать? – Сердобольная Вера Николаевна обвела рукой выставленные на столе яства.

– Герцог орел гордый, аристократ, – приступила к поясне-

ниям я, усаживаясь на предложенное мне место за столом: справа рядом с хозяйкой, спиной к окну. – Подачек со стола не берет, оскорбляется, питается исключительно свежими мясом, овощами и кашами.

– Молодец! – еще раз похвалила Надежда Ивановна.

– Вера Николаевна, можно я поставлю его миски для еды на кухне?

– Конечно, Василиса! – поспешила дать добро домработница.

– Спасибо, – чинно поблагодарила я и не забыла про иные разрешения: – А можно ему свободно гулять по участку?

– Да можно, конечно! – заверила Надежда Ивановна. – Что ты спрашиваешь, деточка! Собак мы не держим, так что его никто не обидит.

– Это большой вопрос, кто кого обидит при встрече, – усмехнулась я.

Далее обед протекал в непринужденной обстановке. Отправной точкой беседы стала история жизни Герцога. Ахали, охали, и через полчаса обе женщины были окончательно и бесповоротно в него влюблены. А потом разговор принял странное направление – мне повествовали об истории этого края, о родном большом селе бабушки и Надежды Ивановны, о войне, об оккупации, об исторических памятниках и легендах Великого Новгорода и его окрестностей. В общем, эдакий экскурс по историческим местам, датам и природным достопримечательностям, и ни слова о личном. Ни-

че-го! Ни расспросов обещанных, ни покаянных рассказов. Культур-мультир, одним словом.

И в один момент Надежда Ивановна объявила застолье закрытым:

– Пойду я прилягу. Устала что-то. А ты, Василиса, чувствуй себя как дома, не стесняйся, если что понадобится или вопросы какие возникнут, обращай к Вере. Она тебе все подскажет.

– Спасибо, – поблагодарила я, хорошая девочка. – Надежда Ивановна, называйте меня Вася, как все мои родные, мне так удобнее и привычнее.

– Хорошо, Васенька. – И Надежда Ивановна погладила меня по голове.

Предоставленная в полное собственное распоряжение, я распаковала вещи, развесила в шкафу и разложила причиндалы мелкие где только можно, поставила заряжаться ноутбук, телефон и смартфон и, наконец, с удовольствием приняла душ.

А вернувшись в комнату, сбросила полотенце и встала перед большим зеркалом на стене изучать собственное прекрасное тело на предмет выявления недостатков.

Кроме старых, почти незаметных шрамов, напоминающих о детстве лихом, на белом девичьем теле новых недостатков не обнаружилось. Прямо Василиса-краса, русая коса!

Русая коса, чтоб вы знали, в наличии имелась! Я переки-

нула на грудь копну длинных влажных после душа волос — они у меня светло-русые, не блондинка в принятой классификации оттенков волос, но очень близко, по крайней мере меня причисляют именно к этому отряду сложившегося в последние годы стереотипа в нашей стране.

К волосам, отражавшимся в зеркале, претензий не нашлось, как и ко всему остальному: шейке моей лебединой, рученькам-ноженькам, гордо стоящей полной груди и восхитительным ягодицам!

Ну вы уже поняли, как я отношусь к себе любимой!

Этому приему меня научила мама. Давно, во времена моего пубертатного периода. Вспомнив маму, я сразу загрустила, отошла от зеркала и плюхнулась на кровать.

Когда мне было тринадцать лет, мы с родителями переехали в другой район Москвы, и мне пришлось идти в новую школу. Я сейчас и не вспомню, почему понадобилось переезжать, но это и неважно. Важно другое. В старой школе у меня были прекрасные отношения с одноклассниками да и с окружающими в целом. Никого не смущали мои увлечения совсем не девчоночьими занятиями, наоборот, мальчишки ходили за мной толпами, обсуждали живо интересующие их пацанские темы, торчали вместе со мной сутками в отцовском гараже, девчонки не ревновали, так как и про девичьи секреты я никогда не забывала.

Но в новой школе все пошло наперекосяк! Меня обзывали злыми, обидными прозвищами, вечно подкалывали, под-

страивали всяческие пакости. Мне приходилось постоянно драться, отстаивая свою «честь и достоинство». Я стала как звереныш малолетний – вечно в ожидании нападения, оскаленная, злая, безбашенная до остервенения. В драке я забывала об инстинкте самосохранения и не бежала никогда, каков бы численный перевес ни был на стороне противника.

Да это все бы ничего! Но меня начали дразнить за физические недостатки.

Правду сказать, я представляла тогда собой очень несуразного угловатого подростка, хуже, чем гадкий утенок. Выше всех в классе, я как-то резко вытянулась за полгода, руки-ноги за таким стремительным ростом не поспевали и болтались тонкими жердочками, непомерно толстые в суставах, нос распух, на лбу прыщи, шея длинная, худая. Ужассс!

У меня с родителями странно сложились абсолютно доверительные открытые отношения. Странно, потому что так не бывает – до определенного возраста, лет до десяти, да, и у многих, но подросток заполучает слишком много тайн, вопросов и открытий, о которых невозможно говорить с родителями. Ну невозможно, и все!

Мне, видимо, это забыли объяснить, и я шпарила прямые вопросы и заявления на головушки родителей прямым же текстом с требованием немедленного углубленного ответа. Родители мои – тоже люди не совсем традиционные в плане принятых догм и правил, а посему вопросы мои их не смущали и они шпарили доченьке столь же прямыми и четкими

пояснениями.

Например, про месячные мне объяснял папа, доходчиво и подробно, с демонстрацией картинок в медицинской энциклопедии, и небольшим экскурсом о возникновении беременности, и совместным походом в аптеку за средствами гигиены, поскольку мама в тот момент была в командировке, а к девочке пришло девичество.

Вот я и жаловалась истерично маме о своей ущербности и страхолюдстве. На что она однажды подвела меня к зеркалу и спросила:

– Скажи, что ты там видишь?

– Уродину! – заявила я в агрессивно-плаксивой форме.

– Давай конкретно, по деталям, что тебе не нравится? – настаивала мама.

– Волосы жирные постоянно, сколько ни мой, – приступила я к перечислению, – и цвет у них какой-то мышиный!

– А что-нибудь хорошее в них есть?

– Ну-у-у, – подавшись к зеркалу и присматриваясь повнимательнее, пыталась я отыскать это «что-нибудь хорошее». – Они густые...

– Вот. Ты заметила, что мало у кого из девчонок встречаются такие густые волосы, а ведь это твое достояние. Давай дальше.

– Лицо страхолудное, – «дала дальше» я. – Лоб прыщавый, нос толстый какой-то стал, губы пухлые, как у пупса. А шея?! Длиннющая, тощенькая!

– А теперь посмотри по-другому, – предложила мама. – Отвлекись от очевидных недостатков, найди достоинства, которые ты не хочешь замечать! Присмотрись, какой у тебя изысканный, изящный овал... – И она провела пальцем по всему контуру лица. – Не круглый и не плоский, как блин, не вытянутый и узкий, не сердечком, как детский, а аристократический. Теперь посмотри, какая у тебя кожа, не на лбу, а на щеках, подбородке. Прыщи пройдут, и очень скоро, а твоя нежная бархатистая кожа останется. Я же тебе объясняла, почему у подростков происходят такие несимпатичные физические моменты: тело меняется из детского во взрослое.

И так мы простояли час, и мама вместе со мной прошлась исследовательским взглядом по всему моему телу, открывая не замечаемые мною в подростковом антагонизме очевидные достоинства. А потом она научила меня, что никогда нельзя себя ругать за мнимые и явные (если таковые есть) физические недостатки, а надо говорить себе самые лучшие слова, хвалить свое тело, благодарить, что оно такое чудесное и так замечательно тебе служит. И уговорила закрепить урок.

– Ручки мои красивенькие, пальчики мои тоненькие... – начала я и, не выдержав, рассмеялась.

Мы с ней, как заигравшиеся подружки, обнялись и с хохотом повалились на кровать, придумывая все новые и новые нежные похвалы частям моего тела.

– Шейка моя лебединая! – хохотала я, перекатываясь по

кровати.

– Попка моя упругая! – вторила мне мама.

А когда мы совсем выдохлись и устали смеяться, она сказала:

– А знаешь, это очень здорово работает, я на себе проверяла. Надо только сначала все время вылавливать в мыслях любую критику себя и тут же заменять ее похвалой. А потом привыкаешь и даже не замечаешь.

– А потом? – приподнялась я, опершись на локоть, ужасно заинтригованная.

– А потом совершенно непонятно, как и почему ты начинаешь по-настоящему себя любить и принимать такой, какая ты есть. И знаешь, что самое загадочное?

– Что? – замороженно спросила я.

– Что больше никогда в жизни тебя не посетят никакие комплексы физической неполноценности, и никто и никогда уже не сможет тебя обидеть или задеть высказыванием о твоём несовершенстве, и тебе будет глубоко наплевать на чужое недоброе мнение. Вот так. Кажется волшебством, а всего лишь надо хвалить себя.

– Здорово! – согласилась я.

Надо знать мое врожденное упорство! Если я решила что-то сделать, я ухайдакаюсь вся сама, достану всех окружающих, если понадобится, но сделаю то, что решила!

Не самое лучшее для женщины качество, как утверждает мой папа и как не раз убеждалась я сама, но что поделаешь

– какой дали характер при рождении, тот и придется донашивать!

И я начала упорно талдычить хвалебные речи своему несуразному тельцу! Вот прямо как стихи заучивала – повторяла и повторяла про себя и мысли паразитические вылавливала, как учила мама. Ну например. Еду я в школу, увидела свое отражение в окне вагона метро и подумала: «Какой у меня носище уродский!», тут же спохватилась и заговаривать принялась: «Носик мой тоненький, ровненький, красивенький...», и так далее.

Мучилась первые месяц-полтора страшно! А потом вроде и замечать перестала, хвалебные мысли-речи лились сами собой. Через полгода я вдруг обнаружила, что сверстники как-то и подотстали от меня. Или я их замечать перестала в упор? И как-то раз переодевалась перед зеркалом, торопилась куда-то и вдруг тормознула, поймав себя на том, что отражение, на которое я смотрю, мне нравится и не вызывает никаких критических замечаний.

Опа! Тренинг похвалой я продолжила с еще большим усердием и к пятнадцати годам получила искреннюю любовь к себе замечательной, полное игнорирование любой критики со стороны сверстников и привычку хвалить себя, приросшую ко мне, как вторая прекрасная шелковистая кожа!

Мама... Мамочка...

Под воспоминания я закончила все косметические про-

цедуры после душа, не знаю, как для кого, а для меня обязательные, и поинтересовалась у Герцога, развалившегося у зеркала и подремывавшего:

– А не пойти ли нам обследовать участок, Ваше Высочество?

Высочество открыло глаза, вальяжно встало на ноги, с удовольствием потянулось и медленной, полной величия походкой подошло к двери, выказав действием согласие с моим предложением. Ну и чудненько!

Участок нам в общем и целом понравился. Грамотный такой участочек! Большущий, фиг его знает, сколько там в сотках. Но отдельно стоящая крытая летняя веранда с печкой и мангалом, буфетом и умывальником и деревянным столом с лавками, и банный двухэтажный комплекс, и какие-то хозяйственные постройки располагались на нем вольготно, не теснясь и не мешая друг другу, среди высоких сосен, рябин, яблонь и берез.

Мы нагулялись, надышались, Герцог пометил территорию где надо, сделал все свои важные дела, и мы вернулись в дом, тем более что к ночи стало прохладно.

Надежда Ивановна тем вечером из своей комнаты больше не выходила.

– Письмо читает, – сообщила озабоченная состоянием хозяйки Вера Николаевна, пригласив меня поужинать с ней в кухне.

Есть не хотелось. Но для приличия и поддержания компа-

нии я попила чаю с вкусным домашним вареньем из крыжовника и оладушками, благо мне на все диеты глубоко по френгейту: лишние калории на моем девичьем стройном стане не откладываются в жировые накопления. Я же говорю: уникальная я девушка!

Герцог получил порцию свежей баранины с овощами, да же изобразил нечто вроде благодарного кивка головой, но не поручусь, вполне могла и ошибиться.

– Переживает она, – делилась своими опасениями Вера Николаевна, – как бы приступа не было.

– Но это же радостные переживания, – подбодрила я ее.

– От радостных, знаешь, тоже... – отмахнулась домработница.

А я пошла спать, не вступая в дебаты. Устала.

– Ну? – спросила я у Герцога, достав из специальной сумки его плетеную корзинку-кровать. – Где предпочитаете расположить ваше лежбище?

Герцог неспешно прошелся по комнате, явно испытывая мое терпение, остановился возле кресла, повернул ко мне голову и скривил морду, что в его исполнении означало саркастическую улыбку.

– А давай! – махнула я разрешающе рукой, вступая в разговор с Его Высочеством.

Он легко запрыгнул на кресло, покрутился, примеряясь, улегся эдак картинно: кончики лап свешиваются с края, голова тяжелая сверху. Эстет, мать его итить!

Я заснула практически сразу, и сквозь сон мне не то при-
виделся, не то слышался на самом деле шум мотора заез-
жающего на участок автомобиля и громкий скрип тормозов.

Часа в четыре дня ему позвонила обеспокоенная до край-
ности Вера Николаевна, верная бабушкина помощница, по
совместительству ее же домоправительница, и сообщила,
что к бабуле приехала какая-то девица из Москвы с письмом
от старой подруги и Надежда Ивановна ужасно разволнова-
лась.

Твою ж мать! Какая там девица?!

– Гоните ее к чертовой матери! – прорычал приказание
Битов.

– Я пыталась, но Надя не разрешила, – повинулась Вера
Николаевна. – Распорядилась, чтобы она у нас пожила, она с
ней поговорить хочет, порасспросить и ответ писать собра-
лась.

– Ладно, – принял решение Влад. – Я при-еду, разберусь.

– Ой хорошо бы, Владислав Константинович, – порадова-
лась домработница и попыталась успокоить: – Но она вроде
ничего девочка, наглая, конечно, но вроде ничего.

Какого черта! Что за подруга такая неведомая вдруг на-
шлась?!

По-хорошему надо бы прямо сейчас поехать и разобрать-
ся там с этой девицей непонятной, но сейчас он никак не мог!
Дела, как водится, срочные и важные, к тому же он и так со-

бирался завтра, в субботу, рано утром поехать на выходные.

Через час от агента «Вера» поступило новое сообщение: они обедают. Вроде бы мирно, и бабушка рада присутствию девочки и чувствует себя неплохо.

— А девочка такая, ну, столичная, — докладывала домработница, — юбчонка коротющая, чуть не по самое это, каблучищи, маечка в облипочку, полгруды видать. И собачка у нее, маленькая такая, страшненькая, но хорошая собачка, серьезная.

Что там происходит? Охренеть! «Юбочка по самое это! Полгруды видать!», да что за дела? Какую там профурсетку к бабушке занесло и за каким хреном?!

Он напрягся всерьез от непоняток, тревоги за Надежду Ивановну, невозможности немедленно разобраться и глубокой подозрительности к «засланной казачке» с собачкой. А если это... Далее варианты про гадских конкурентов и вообще недоброжелателей разного уровня.

А вы бы что подумали? Что какая-то девица тусовочно-тупого образца с собачкой приперлась из самой Москвы передать бабушке письмо?! Нормальный заход, по-вашему? А такая услуга, как почта, предусмотренная именно для таких вот доставок?

Битов весь извелся к концу дня, тем более что сообщения от Веры Николаевны поступали все более настораживающие. Бабушка из комнаты не выходит, ужинать отказалась, плакала, лекарства пьет. Звонить самой бабуле и выяснять,

что там на самом деле у них происходит, он не стал, понимая, что может наговорить чего сгоряча и расстроить ее еще больше.

«Убью! – холодно подумал про незнакомую девуцу Битов. – Придушу стерву!»

Он смог выехать только после десяти вечера. Умотанный делами, рабочими вопросами и тревогой за бабушку, и не заметил, как доехал.

– Как она? – спросил с ходу у Веры Николаевны, вышедшей его встречать.

– Спит. Напереживалась, но обошлось без приступов.

– А девушка?

– Тоже спит. В розовую гостевую мы ее определили. Да не беспокойтесь вы уж так, Владислав Константинович, Наденька девочке очень рада.

– Разберемся, – хмуро пообещал он.

Загоняя машину в гараж, он чуть не поцеловался с задком припаркованного уже там джипа, по привычке заруливая на свое место, лишь в последний момент успел резко ударить по тормозам и громко выматерился.

Всем в этом доме известно, что в двухместном гараже он ставит свою машину слева! Какого хрена! Битов сдал назад и раздраженно въехал в гараж справа. Чужой джип, словно издаваясь, посверкивал серебристым боком, будто наигрывая на натянутых нервах Влада фальшивую до зубовного скрежета мелодию.

Он вышел из машины, громко хлопнув дверцей, и, засунув руки в карманы, неприязненно поразглядывал незваного пришельца какое-то время. Вообще-то тойотовский «двухсотый» Land Cruiser не соответствовал образу бесцеремонной девицы, который сложился уже у него в голове. Ну в том смысле, что юбочки по самое не могу, каблуки-маникюр, полгруды миру напоказ и мелкая трясущаяся шавка под мышкой. Такие мармулеточки предпочитают ездить совсем на других машинках: красненьких, быстрых-быстрых и дорогих.

Ладно, все завтра!

Влад осторожно заглянул в комнату бабушки, удостоверился, что она спокойно спит, отказался от чая, ужина и любой другой заботы, предложенной верной домработницей, поднялся на второй этаж в свои хозяйские комнаты, по-быстрому принял душ и завалился в изнеможении спать.

По укоренившейся годами привычке Битов проснулся рано, часов в шесть. Обычно он баловал себя в выходные продолжением прерванного сна – легкой, нежащей полудремой, но сегодня притаившиеся на ночь, но никуда не девшиеся тревога и раздражение к сибаритству не располагали. Он быстро выбрался из кровати и отправился на пробежку.

Бегать по-настоящему и всерьез Влад не любил, поэтому предпочитал для разогрева мышц короткий маршрут: через мост по тропинке на том берегу реки, с которой открывались красивые виды, и назад.

Вернувшись, спустился в подвал, где оборудовал небольшой спортивный зальчик с несколькими тренажерами. Битов никогда ни на чем не фанател, не имел такой привычки. Тем более на ставшем в последние годы таким модным спортивным образе жизни, вот и предпочитал разминаться в удовольствие: хочу и могу и еще немного сверху, для нагрузки.

Стоя под упругими струями душа после тренировки, он наконец почувствовал, как отпускает напряжение и расслабляются мышцы. Хорошо!

Как Влад и предполагал, он оказался сегодня не единственной ранней птичкой. На веранде за столом, накрытом к завтраку, уже чаевничали Вера Николаевна с бабушкой, поджидая его.

– Здравствуй, мой хороший, – разулыбалась бабуля, протягивая руки ему навстречу.

– Привет, красавица, – обнял и расцеловал он бабушку. – Как ты?

– Да нормально!

Влад сел рядом с ней, подвинул к себе чашку с блюдцем, Вера Николаевна засуетилась вокруг него, наливая чаю, подвигая поближе тарелочку с горкой горячих сырников, ваточки со сметаной и вареньями. Он поблагодарил, положил себе три штуки, отпил душистого чаю и только тогда приступил к выяснениям.

– Разведка донесла, что к тебе тут гостья непонятная приехала, – посмотрел он внимательно на Надежду Ивановну.

– Ох уж эта мне разведка! – Бабушка красноречиво посмотрела на засмущавшуюся домработницу. – Ни согрешить, ни покаяться, тут же донесут!

– Просто мы о тебе беспокоимся, – примирительно пояснил Влад в тысячу неизвестно какой раз.

Это постоянная тема для их пререканий – доклады Верочки о состоянии здоровья и настроениях бабушки и ворчание Надежды Ивановны на тотальный контроль.

– Так что за барышня к тебе приехала? – настаивал Битов.

– Ее зовут Василиса, – принялась пояснять бабушка. – Она внучка моей давней, очень близкой подруги... – И загрустила, отвернулась. – Очень давно мы по глупости и непониманию разругались, я на нее сильно обиделась и только с годами поняла, как была не права. Но дурацкая гордость не позволяла мне сделать первый шаг к примирению, а Лидочка все эти годы считала себя виноватой. – Она посмотрела грустно на внука, погладила его по голове. – Люди совершают столько нелепых, трагических ошибок и годами живут с их последствиями.

– Все это понятно, – перехватил ее ладонь, поцеловал и положил на стол, накрыв своей большой ладонью сверху, Битов. – Непонятно, при чем тут эта Василиса?

– Здравствуйте! – весело и звонко поздоровался со всеми объект обсуждения.

Та-а-ак! Битов бесцеремонно уставился на незнакомку, заочно успевшую его раздражить до невозможности. Он

неторопливо и со вкусом прошелся оценивающим взглядом с головы девушки до кончиков каблуков.

Вообще-то надо было сразу сообразить, что для Веры Николаевны «юбочка по самое это» могла быть и скромной юбкой-карандаш на ладонь выше колена, а «полгруды на показ» – расстегнутой верхней пуговицей строгой офисной блузы.

Но в чем-то она была права несомненно!

Высокая, где-то метр семьдесят, девушка казалась еще выше из-за каблуков. Неброская, некричащая красота лица. Нежная, чистая, даже с расстояния понятно, что шелковистая на ощупь кожа, правильный овал, правильный аккуратный носик, полные губы с четким естественным контуром, упрямый милый подбородок и потрясающие глаза насыщенного василькового цвета, чуть приподнятые к вискам, все это в легком утреннем макияже и с бриллиантовыми сережками-гвоздиками в мочках маленьких красивых ушек!

Класс! Первое определение, приходящее на ум. Холеная – второе!

Длинные рваные прядки, обрамлявшие лицо, переходили в густую, продуманно небрежно и легко заплетенную, перекинутую на грудь, насыщенного цвета потемневшей пшеницы косу, доходившую почти до талии.

О да, грудь! Поэма! Тяжелая, упругая, размера четвертого, с глубокой ложбинкой, открытой взору совсем не пошлым декольте с панорамным видом внутрь, а вполне нор-

мальным вырезом обтягивающей ее белоснежной майки. Тонкая талия, подчеркнутая той же майкой и льняными шортами цвета апельсина, затянутыми ремнем и нежно обтягивающими умопомрачительные бедра. И вовсе не до ягод, а на ладонь ниже попки.

Далее ноги-ноги-ноги офигенной формы и красы плавно перетекали через изысканные точеные колени в столь же офигенные икры, спускались-сужались до еще более изысканных и утонченных лодыжек и триумфально заканчивались узкими стопами с тонкими аристократичными пальчиками с ярко-красным лаком на ноготках, уверенно стоящими на высоких каблукках дизайнерских ярко-оранжевых туфель с открытым носком.

Дополняла наряд длинная расстегнутая прозрачная рубашка-накидка с бело-оранжевым абстрактным узором, как и все остальные вещи именной марки от известного дизайнера соответствующей ценовой категории элитного уровня.

Прикид дамочки был вызывающе эротичен, но далек от пошлости и уж точно не на грани фолы. Вернее, не так! Сама девушка была вызывающе, невероятно эротична, от нее во все стороны волнами расходилась сексуальная женская манкость, а наряд лишь подчеркивал это.

А вот на руках никаких колец и браслетов, и прекрасная шейка обошлась без украшательств из цепочек и подвесок. Даже как-то странно.

Но все равно она была фифочка. Дорогая, избалован-

ная, ухоженная до глазури, упомаженная, насалоненная, явно высшего уровня, но столичная тусовочная фифочка!

Правда, была одна деталь, которая не вписывалась в образ, как и «крузак», стоявший в гараже Битова, – никакой собачки под мышкой у нее не было, а то, что находилось у ее ноги и с явной угрозой не мигая смотрело на него, никоим образом нельзя было причислить к отряду шавок или домашних собачек! Скорее к боксерам, побывавшим в смертельных переделках и готовым биться насмерть.

Ну с этими непонятками он разберется позже! Увлечшись изучением девушки, Битов и не заметил, что на веранде повисла звенящая от напряжения тишина, и почувствовал это, только когда девушка заговорила.

– Мне повернуться? – Она смотрела на него понимающе и даже с какой-то долей снисхождения, скептически улыбаясь правым уголком своих потрясающих губ.

– Все, что меня интересовало, я уже увидел, – спокойно отказался от предложения Битов.

Чтобы его смутить, надо очень постараться, он по крайней мере таких умельцев пока не встречал.

– Влад, прекрати! – потребовала, словно хлестнула, бабушка.

От ее окрика он как опомнился. Черт, эта девица его завела! Да так, что он забыл про других присутствующих! И до эрекции довела, зараза! Что за дела такие?! Это от злости, понял Битов, и от их явного взаимного противостояния, и от

того, как она встала, несколько демонстративно, скептически улыбаясь все понимающей улыбочкой, и, разумеется, от окружающего ее ореола сексуальности. Ну надо же, завелся!

– Познакомьтесь, – строго приказала бабушка и сама принялась представлять их друг другу. – Василиса, это мой внук Владислав Константинович Битов. А это, как ты уже понял, Василиса, внучка моей подруги. Давай, Васенька, садись скорее за стол, а то все уже остыло.

Я проснулась ранехонько для выходного дня – около семи, но чувствовала себя абсолютно выспавшейся и отдохнувшей, что значит свежий воздух! Быстренько умывшись, привела себя в порядок, оглядела себя любимую в зеркале и не нашла, к чему придраться в облике. Ну что ж! Солнце в моем лице взошло и было готово к общению с народом.

Народ определенно давно и с удовольствием бодрствовал, с веранды через распахнутые двери доносились голоса, а в доме умопомрачительно пахло выпечкой.

Через стеклянные створки дверей я рассмотрела незнакомого мужика, сидевшего слева за столом рядом с Надеждой Ивановной, и поняла, что ночной шум мне таки не приснился. Интересно, чего он там тормозами баловался?

Мы с Герцогом вышли на веранду, и я успела услышать конец фразы про себя прекрасную, произнесенной незнакомцем:

– Непонятно только, при чем здесь эта Василиса?

– Здравствуйте, – радостно поздоровалась я, предчувствуя интересное шоу.

Мужик мои ожидания оправдал – уставился на меня. Да, милый, можешь полюбоваться! Я даже специально прошла вперед, чтобы стол не перекрывал ему обзор, и остановилась в несколько вычурной подиумной позе, но без перебора. Ну вот такая я вредная стервочка!

Он рассматривал меня внимательно, неторопливо, со вкусом, с видом знатока-исследователя.

Ну что ж! Тогда я тоже в игре! И я принялась рассматривать его столь же научно-познавателью.

А ничего мужик! Здоровый такой! Лет эдак тридцати пяти, широкий разворот плеч, никакого намека на дряблость и животик, наверное, качалку посещает. По прикиду так точно не напрягает ручки за оклад – физическим трудом на такие шмотки не заработаешь, да и домик этот, по всем раскладам, его наверняка. Значит, качалка и всяческие виды спорта модные. А почему нет? И для деловых переговоров удобно, и для закрепления оных дружеским братанием на почве одинаковых спортивных пристрастий. Мой папик тоже это практикует с большим удовольствием: полезно и для здоровья, и для бизнеса. Так что это большой плюсик мужику.

Что у нас еще в плюсиках? Серьезное какое лицо! Не краасавчик, слава богу, а настоящее мужское интересное лицо классической формы: нос чуть кривой, явно перебит когда-то давно, губы чувственные, глаза злые, непростые такие

глаза, светло-карие, волевой подбородок. Темные густые волосы без укладки, но дорогая стрижка, видно сразу, что дорогая, не брюнет, скорее шатен. Нет, все-таки можно сказать, что красивый, вернее по-мужски сурово привлекательный. Мне понравился. В плюсик!

Мощная колонна шеи, руки сильные, крупные ладони с длинными пальцами. Тоже красиво, на мой взгляд. Что там еще можно рассмотреть, он же сидит! Ага, а у мужчины эрекция! Ну это нормально, можешь смотреть дальше, милый! Однозначно, мужик нормальной ориентации! Большой плюсик! И ноги у него красивые – сильные, длинные. И рост у него правильный, точно метр восемьдесят восемь есть, а может, и больше. У моего папика метр восемьдесят восемь, поэтому я на глаз сразу определяю, какой у мужика рост. Еще-е-е плюсик.

Все эти плюсики к физической составляющей исследуемого объекта, так сказать, а вот что он за фрукт и что за личность, неизвестно еще. Так что остановимся пока на моем, дорогого стоящем, между прочим, одобрении тебя, красавец, как мужской особи.

Он закончил осмотр достопримечательности имени меня, и я, посмеиваясь про себя, предложила ему осмотреть дополнительно и мои тылы, но резкий окрик Надежды Ивановны привел нас обоих в чувство.

О как! Оказалось, я заигралась в гляделки! Надо же! Что-то давненько меня не заинтересовывали до такой степени

мужчины!

Надежда Ивановна представила нас друг другу, пригласила меня к столу, и по обоюдному умолчанию мы с представленным мне теперь господином Битовым решили отложить разборки на время.

То, что разборки будут иметь место, было понятно и неизбежно, как восход двух солнц сегодня поутру: меня и небесного светила. Владиславу Константиновичу я не нравилась. Нравилась и даже слишком как женщина и до желваков на скулах и сведенных недовольно бровей не нравилась как личность.

Какой хорошенький! Все-то ты про меня уже понял и выводы сделал и мечтаешь выгнать вшаей подальше! Ну как же! Я же расстраиваю любимую бабушку, и это может отразиться на ее здоровье! Кстати, еще один большой плюс ему – он на самом деле очень любит свою бабушку и страшно беспокоится о ней.

Я тоже люблю свою бабушку, поэтому фиг ты меня выго니шь, внучок! Ломом не сковырнешь из своего дома, пока я письма обещанного не дождусь!

Так! Завтрак протекал в напряженной обстановке.

Для всех, кроме меня. Я наслаждалась обалденными сырниками, уплетая их за обе щеки, сдабривая всяческими вареньями и запивая душистым чайком, наслаждалась напряжением хозяина дома и его явным раздражением и неприятием меня и недовольством в свой личный адрес за неожи-

данное легкое возбуждение, которое я в нем вызвала. Ой, пардон, я случайно!

Нет, все-таки все мужики непроходимые тупицы! Даже самые умные и битые, самые ушлые и хитрованы последние, даже аферисты профессиональные! Они ловятся на внешность, принятые и навязанные социумом эталоны поведения и понятия, как дети на конфетку, и классифицируют по ним людей! И сами себя загоняют в ловушку собственных домыслов и, как им кажется, умения просчитывать людей! А потом удивляются беспредельно и пытаются убедить себя в собственной правоте и глубоком знании жизни.

Ну например. Моя подруга Ольга – обладательница модельных параметров полным пакетом: рост, вес, внешность, к тому же натуральная блондинка. Ей тридцать два года, но выглядит она на двадцать. Представили? Как, вы думаете, к ней относятся мужчины, даже очень продвинутые и умные? Правильно, как к блондинке модельной внешности – то бишь внешность есть, ума нет, но нам и внешности твоей вполне достаточно, детка! Она никогда не вела себя развязно, вызывающе, не одевалась в откровенно призывные наряды, но это не имело значения! Мужики относятся к ней по стереотипу «блондинка-модель». А Ольга, между прочим, доктор наук, и без дураков и скидок на внешность заработала это звание, и поумнее всех мужиков на ее кафедре!

Или еще пример. У моего папика есть знакомый Артур, бизнесмен высшего мирового уровня, и такие красивые и

элегантные схемы и дела просчитывает и проворачивает, что его партнеры и конкуренты только крикают от безнадежности и зависти черной, жгучей к его талантам и способностям. Но если он появится, скажем, в Международном бизнес-центре, то его туда просто не пустят, а если пустят, на переговорах русские мальчишки с надутыми щечками в лондонских костюмах ручного пошива известной фирмы его всерьез не примут и будут презрительно снисходить до того, что он там говорит. А он их сделает за пять минут и оставит обтекать со всеми этими щечками, «Ролексами» и костюмами. Да потому, что он выглядит как мальчишка! Худой, поджарый, носит только джинсы, футболки, свитера, мокасины на босу ногу, и плевал он на все дресс-коды! Ему так удобно и комфортно! Он гений по жизни и капризный гений по убеждениям, которые звучат так: не собираюсь подстраиваться под мир и чужое мнение, пусть мир подстраивается под меня.

Вот так! Так что, господа, призываю! Прежде чем судить о человеке, потрудитесь хотя бы немного его узнать и пообщаться с ним!

Но лично я люблю играть в эту игру. А что, пока меня это еще веселит и развлекает, когда надоест, придумаю что-то другое.

Но я снова отвлеклась!

А что у нас тут происходит за столом? Вроде все мирно, по-домашнему, бабушка с внуком обсуждают текущие хозяйственно-бытовые дела и заботы: барахлящий бойлер, ба-

ню, предстоящее обследование у врачей Надежды Ивановны, верная домработница принимает в разговоре живейшее участие, одна я выпала.

Хотя нет, не одна.

Герцог не пристроился привычно возле меня, а лежал в паре метров от стула хозяина дома в позе сфинкса: передние лапы вытянуты, задние поджаты, голова гордо вскинута – и не отрываясь смотрел на господина Битова. Я усмехнулась.

Мужчина нет-нет да и поглядывал на него, не прерывая разговора, который понемногу затухал, теряя актуальность, когда главные темы уже обсудили.

– Васенька, может, еще чайку? – спросила меня Надежда Ивановна.

– О нет, спасибо! Все было потрясающе вкусно, я, пожалуй, даже увлеклась!

– У тебя есть какие-нибудь планы на сегодняшний день? – добро улыбаясь, спросила она.

– Да нет, ничего конкретного, – поделилась я планами. – Хотела прогуляться, посмотреть ваш поселок и окрестности.

– Вот это правильно, у нас здесь очень красиво, – порадовалась Надежда Ивановна моим интересам и предложила: – А Влад тебе все покажет и расскажет. Он же этот поселок строил, он лучше всех здесь все знает.

О как! Интере-е-есно!

– Извини, бабуль, в другой раз, – отказался сразу от такой перспективы проведения досуга выходного дня внучок. –

Мне на ферму надо, да и баню я хотел затопить.

– А ты возьми Василису с собой, покажешь ей свою ферму, это тоже интересно, – вдохновилась старушка идеей.

Э нет! Так не пойдет! Меня нельзя взять и навязывать мне чьи-то желания и решения нельзя! Да и мужик напрягся, не желая огорчать отказом бабушку любимую. А мне таких добровольцев принудительных не надо! Не по чину и не по красоте моей!

– Вы знаете, я тут посмотрела в Интернете, что у вас здесь прекрасные исторические места, – обходным маневром отказалась я, перенаправив тему в иное русло. – Вот я и подумала, а не съездить ли мне в Великий Новгород, там наверняка и красиво, и есть что посмотреть.

Надежда Ивановна тут же ухватилась за новую вводную, оживилась еще более, определенно вынашивая тайный план замирить меня с любимым внучком. Мы с мужчиной просекли это одновременно, и Битов поспешил соскочить с крючка.

– У вас странная собака, – обратился он ко мне.

– Это не собака, это пес, – пояснила я, слизывая с чайной ложки варенье. – И то по своей физической сути, а душа в нем живет человеческая.

– А почему он так странно на меня смотрит? – таки спросил Владислав Константинович.

Долго же он продержался.

– А вы догадайтесь с восьми раз, – предложила я, зачерпнув еще немного варенья из вазочки.

– Я ему не нравлюсь, – констатировал мужчина.

– Он не мыслит такими категориями: нравитесь, не нравитесь, – с растяжкой и значением поясняла я. – В данный момент он чувствует исходящую от вас скрытую опасность для меня, вот и следит.

– И что он сделает, если эта опасность станет явной? – усмехнулся Битов.

– Ну, до горла вашего он не доберется, но лодыжку прокусит гарантированно, – я вернула ему усмешку.

– Уважаю, – протянул Битов.

– Дети! – призвала нас Надежда Ивановна. – Перестаньте!

– Надежда Ивановна, – перестала я и спросила о более насущном для меня: – Вы прочитали бабушкино письмо?

– Прочитала, – вздохнула старушка. – Это очень тяжело. Столько лет прошло, столько времени потеряно. Жизнь прошла.

– А вы ей напишете? – тихо и осторожно выпытывала я.

– Напишу, – твердо пообещала Надежда Ивановна. – Столько всего сказать хочется.

– А вы поговорите с ней по телефону, – двинула я ращу. – Прямо сейчас. У бабушки есть сотовый, я скажу вам номер!

Надежда Ивановна задумалась на несколько секунд, вздохнула:

– Это хорошая мысль. Я позвоню. Но мне надо собраться с духом.

– Но все же просто! – стараясь говорить спокойно и где-то даже нежно уговаривая, старательно скрывала я досаду. – Вы обе ни в чем не виноваты, и обе до сих пор любите друг друга и скучаете. Ну и что, что прошло столько времени, еще все можно исправить и общаться с радостью!

– Ты права, деточка, – кивнула Надежда Ивановна, и в глазах у нее предательски сверкнули слезинки. – Я обязательно позвоню, обещаю. Мне эта идея нравится. Вот только соберусь с мыслями, успокоюсь немного и позвоню.

Она поднялась с кресла, внук поспешил поддержать ее под локоть, помогая встать.

– Я прогуляюсь по участку, – сказала она. – Можно взять в напарники твоего Герцога?

Вот ведь хитрющая старушенция, поняла, что надо удалить возможную опасность с поля, чтобы не мешал нам с ее внучком любимым выяснять отношения.

– Надежда Ивановна, – рассмеялась я. – Герцога нельзя взять или не взять, Его Высочество сам решает, что делать, но ему можно предложить.

– Герцог, составишь мне компанию? – спросила бабулька у кобеля.

Он посмотрел на нее, перевел взор волоокый на Битова, что-то там узрел в нем, понятное только ему, живенько поднялся и повернулся к ступенькам, показывая готовность сопровождать пожилую даму.

– Ну вот и компаньон, – рассмеялась она и, как ей каза-

лось, незаметно смахнула слезинку. – А вы тут не ругайтесь. Владик, не обижай девочку!

Ну-ну! Нет, он может попробовать, конечно, но результат не гарантирую. Зато гарантирую незабываемые впечатления до самого вечера от резкого соприкосновения моего колена с областью его паха.

Владислав Константинович, придерживая бабушку, помог ей спуститься со ступенек, проследил, как они с Герцогом неспешно двинулись в глубь участка, махнул ей рукой, когда она оглянулась, и стремительным шагом вернулся на веранду. Он обошел стол, подошел ко мне, протянул руку ладонью вверх, приглашающим жестом:

– Прошу!

Я посмотрела на предложенную ладонь, перевела взгляд снизу вверх на него, величаво приняла приглашение, вложив свою нежную ладошку в его руку, и встала со стула.

Ну, это правильно, лучше выяснять отношения подальше от глаз Надежды Ивановны. Оно так вернее будет и куда как интереснее!

Господин Битов указал мне рукой направление следования – в дом, пропустил даму вперед и двинулся следом, условно придерживая под локоток, то есть еле касаясь.

По-ли-тес! Ну-ну, надолго ли?

Остановились мы между большим камином и диваном напротив него.

– Думаю, Василиса, вам больше незачем оставаться

здесь, — заявил довольно сурово господин Битов. — Письмо вы передали и даже уговорили Надежду Ивановну созвониться со своей бабушкой. Дальше они сами разберутся. Будем считать, что ваша миссия выполнена и перевыполнена. Ответное письмо я отправлю сам и обещаю проконтролировать его доставку. Так что складывайте свои вещи и уезжайте. Скажите Надежде Ивановне, что вам срочно надо быть в Москве. И поторопитесь, пожалуйста, у меня еще очень много дел.

Ой-ой-ой! Какие мы грозные, начальники! Приказываем, распоряжаемся!

— Нет, — отказалась я от такого предложения, мило улыбнулась и похлопала ресницами. — Меня попросила остаться Надежда Ивановна, и я обещала ей рассказать про бабушку и ее жизнь, а мы еще так и не поговорили.

У него изменилось лицо — пока он высказывался распоряжениями, оно сохраняло холодное, отстраненное выражение и вдруг стало пугающе резким, глаза чуть сощурились, на скулах заиграли желваки. И он каким-то очень быстрым, плавным движением шагнул ко мне, ухватил выше локтя, не то чтобы сильно, но ощутимо сжав мою руку, чуть тряхнул, навис угрожающе надо мной и сказал негромко, но очень весомо:

— Вы так развлекаетесь, да? Послушайте, вы! Она старый больной человек, и любые волнения для нее смертельно опасны! Я никому не позволю причинить ей вред, тем более

какой-то столичной девуле без мозгов!

Какой хоро-о-ошенький! Нет, этот мужчина мне определенно нравится.

Правда, инстинкты на уровне примата – запугать, показать, кто здесь главный и вождь, указать женщине ее место в углу у печки, особенно если женщина вызывает сексуальное желание! Но все равно хорошенький!

Извини, милый, но придется тебя немного остудить!

– Руку отпустите, – глядя прямо ему в глаза, сказала я своим коронным тоном, которым обычно разговариваю с зарвавшимися хамами, которых при моей работе, увлечениях и образе жизни хватает с избытком.

Отработано годами и действует без сбоев, производя эффект приблизительно такой же, как если бы миленькая болонка показала вам крокодилий оскал, собираясь укусить.

Уточняю: действовало до сегодняшнего дня.

Он посмотрел на свою ладонь, державшую меня чуть выше локтя, захват ослабил до легкого удержания, но руку не убрал.

– Я доходчиво объяснил? – прищурился он сильнее и слегка тряхнул меня еще разок.

– Ну ладно вам, – проблеяла я в лучших традициях отряда блондинистых красоток и провела нежненько пальчиками свободной руки по его лицу: от виска через щеку, по скуле к подбородку.

Прием номер два из моего арсенала – обескураживаем

нелогичным поведением, противник временно офигевает, а там действуем по обстоятельствам.

– У меня тоже есть бабушка, и она тоже нездорова и тоже ужасно переживает, – лепетала я. – Надо их помирить, и они обе будут счастливы и станут чувствовать себя намного лучше! Положительные эмоции лечат!

Мужик на сей раз выдал ожидаемую реакцию – как и положено, офигел, потеряв временно боевой пыл. А я подда-ла! Пользуясь тем, что он практически прижал меня к себе, для большего эффекта утешения, как я понимаю, но временно потерял преимущество стремительной атаки и напора, обескураженный неожиданной нежностью и моим лепетом, и мяч перешел на мою сторону, я просто пошевелила бедрами, переступив с ноги на ногу, закрепляя свой успех.

И, легко высвободив локоть, отошла на два шага, потеряла руку и капризно скривила свой миленький носик в недовольной гримаске:

– Надеюсь, синяков вы мне не наставили!

Хотела добавить в конце предложения «противный», но воздержалась, трезво рассудив, что это уж явный перебор.

Он стоял на месте, засунув руки в карманы, и, чуть склонив голову набок, рассматривал меня с задумчивым выражением, как неведому зверушку, с неким даже исследовательским интересом.

– Ладно. Может, действительно это ее порадует, черт его знает. Оставайтесь пока.

А вот это он сказал зря! Простите, но подачки и снисхождение – это к другим девочкам! Ты мне не спонсор интимный, чтобы что-то разрешать или запрещать! Я никому не позволяю подобного тона в адрес моей драгоценной персоны! И не собираюсь делать исключения для данного правила!

– Не вы меня приглашали, чтобы распоряжаться, оставаться мне или уезжать, – напомнила я, временно отказавшись от имиджа гламурной девочки, выбрав вариант «а она, оказывается, не совсем дура».

– Это мой дом, и решаю здесь я, – усмехнулся он.

– Хочу вам напомнить, что это Надежда Ивановна попросила меня пожить здесь, с ней, – улыбнулась я светски холодно в ответ, но, чтобы не переигрывать, не забыла подпустить нотки капризной обиды. – Разумеется, если бы я знала, что со мной здесь будут так обращаться, то ни за что бы не согласилась! Ваше гостеприимство, Владислав Константинович, слишком обременительно и, как выяснилось только что, даже опасно, чтобы я могла позволить себе и дальше пользоваться им. Думаю, вы абсолютно правы, мне не стоит больше оставаться в вашем доме! У меня забронирован номер в гостинице, в городе. Я могу навещать Надежду Ивановну в ваше отсутствие. И, кстати, объясняться по поводу моего скоропалительного отъезда вы будете сами, я не намерена облегчать вам жизнь и обманывать ее.

Вот так легко и просто, мило и незатейливо я перевернула

все с ног на голову!

Одно легкое поглаживание пальчиками по щечке, небольшой комплимент бедрами, и мужик сам не заметил, как из обвиняющего стал обвиняемым чуть ли не в избиении и издевательстве над женщиной!

Я могла бы Родине продавать одуванчики с полей за валюту, если бы моими покупателями были только мужчины с нормальной ориентацией! Горжусь собой!

Господин Битов находился во временном ступоре! Он растерянно провел пятерней по волосам – красноречивый жест из учебника по психологии для первокурсников, выдающий крайнюю степень замешательства объекта.

Стереотипы губят людей! Я же говорю, мужики сами себя загоняют в угол непоколебимой уверенностью в своем исключительном уме и прозорливости, а потом сильно удивляются, как они там оказались, и с еще большим энтузиазмом принимают настаивать на своей правоте, дескать, исключения только подтверждают правило! И господин Битов в данный момент представлял собой живую иллюстрацию этого моего утверждения.

Ну конечно! Преданная Верочка настучала ему по телефону о непонятной московской девице, и он еще до встречи со мной сделал определенные выводы и умозаключения, а познакомившись лично, искал лишь подтверждение этим выводам.

Нашел, разумеется! Кто ищет, тот всегда найдет!

А тут увидел, что бабушка переживает сильно и плачет, и, естественно, сразу кинулся ее защищать от меня. Ну молодец, кто бы спорил!

Но, отшумев грозой, нарвался на достойный отпор, был обезоружен легким эротическим шоком и только после этого сообразил, что, во-первых, не он меня приглашал на самом деле, чтобы так беспардонно выгонять, я же фамильный хрусталь не била, и кокаин любимой бабуле в чай не подмешивала, и вроде вполне доброжелательна. А во-вторых, что ему придется как-то объясняться со старушкой, а если учесть, что теперь наверняка она станет плотно общаться с моей бабушкой и, вот сто пудов, я нажалуюсь той, как со мной здесь обошлись... Представили?

Он представил это еще быстрее, чем я сформулировала.

– Черт! – выдал конечный результат своих умозаключений господин Битов. – Простите, Василиса, я, кажется, был не прав.

Мужчина так легко признается в своей неправоте и просит прощения?!

Нет, определенно он мне все больше и больше нравится! Уважаю! Даже за эту миленькую оговорочку – «кажется» – уважаю еще больше! Ну не должен мужик совсем уж до конца признавать свою неправоту! Все-таки вождь, пусть и в отдельно взятой семье! Молодец!

– Если вы действительно любите свою бабушку, то поймите меня, – продолжил он покаянную речь. – Что бы вы почув-

ствовали и сделали, если бы я приехал к ней и привез письмо и вы увидели, что она страшно переживает, даже осунулась и плачет?

«Убила бы!» – влет ответила я про себя.

– Я очень хорошо вас понимаю. И наверняка вела бы себя точно так же в таких обстоятельствах, а то и хуже. Но это не отменяет того, что вы оскорбили меня.

Немного надутых губок не помешает. Пусть еще поварится в ощущении своей вины. Но что-то подсказывает мне, что этот мужик такой фигней долго страдать не станет.

– Давайте так, – выдвинул он предложение и улыбнулся. – Мы признаем тот факт, что оба любим своих бабушек и стараемся их защищать и оберегать. А посему забудем про досадный инцидент, имевший здесь место. Я прошу вас остаться и погостить у нас столько, сколько вы захотите, и обещаю сделать все возможное, чтобы вам было комфортно. И готов загладить свою вину всеми возможными способами.

Вообще-то девица обыграла его всухую!

Он и сам не понял, как это произошло, но через десять минут после начала разговора чувствовал себя полным идиотом! Начал с того, что строго указал на дверь, а закончил уговорами остаться!

Такого с Битовым не бывало еще никогда!

Остается надеяться, что она сама не поняла, что переиграла его на его же поле!

Нет, но какова стервочка!

Пальчиком так по скуле прошла, а у него волна кипятка по позвоночнику прокатила, и бедрами, вроде и не специально, просто переступила с одной божественной ножки на другую – но специально же! Но хороша, зараза!

И заметить не успел, а уже приглашает ее поехать в Новгород, в ресторан, в качестве извинительного жеста. А она в ответ скептически-вопросительно приподняла одну соболиную бровку: мол, вы смеетесь, что ли! Ну да, ресторан – это не то, чем можно добиться хотя бы временного примирения от этой девицы, тем более где-то в провинции, что для нее, наверное, вообще как в лесу. Она и сама может Битова в ресторан любого уровня пригласить, явно спонсирует кто-то девочку, и весьма щедро, судя по машине и вещичкам.

Ну не на ферму же ее приглашать в виде познавательной экскурсии на тему «Откуда берутся продукты». Нет, дети, не совсем из магазина, туда они тоже откуда-то попадают!

Как выяснилось, она оказалась достаточно умненькой, что Влада сильно порадовало – можно будет с удовольствием поговорить, а не только смотреть на нее. Но, даже учитывая ее разумность, ферма для такой девочки – это как посещение стратегического объекта «туалет конструкции дырка», незабываемые впечатления на всю жизнь и культурно-эстетический шок гарантированы.

Он усмехнулся своим мыслям, никоим образом не мешавшим ему обсуждать с гостьей варианты развлекательно-за-

дабривающей программы. Она уже отказалась (правда, молча, исключительно мимикой лица) от посещения ресторана, словесно от поездки в Новгород, речной прогулки с пикником.

Влад сдался. Так можно до ишачьей пасхи выдвигать предложения.

– Давайте, Василиса, вы подумаете, что вам подойдет, а вечером мы это еще раз обсудим. А то мне действительно очень надо съездить на ферму, – предложил он как вариант.

– А вот ферма мне подойдет, – заявила она и сделала утверждающий жест пальчиком.

– Вы уверены? – помолчав от неожиданности, переспросил Битов.

– Абсолютно, – убежденно кивнула она. – Я никогда не была на ферме, это интересно. Только с условием, что вы мне все там покажете, объясните и расскажете.

– Ну хорошо, – все еще тормозил он и предпринял отчаянную попытку отделаться от экскурсантки: – Только в таком наряде и на каблуках вам будет неудобно. Там, знаете ли, в некотором роде мать сыра земля.

– У меня найдется, во что переодеться, – уверила барышня. – Дайте мне пятнадцать минут.

Она ушла в свою комнату, а Влад набрал Александра: предупредить, что приедет не один, а с несколько экзотической спутницей.

Ферма в бизнесе Битова образовалась, можно сказать,

случайно, но уж точно незапланированно. Когда он получил подряд на строительство этого поселка дачного типа, то сразу решил, что один из домов построит для себя и перевезет сюда Надежду Ивановну. Родное село, в котором она жила, было достаточно зажиточным и некогда являлось центральной усадьбой большого колхоза, а несколько лет назад вошло в крупный агропромышленный комплекс. Но в нескольких километрах от него располагались два больших хутора, которые остались самостоятельными и по неведомой причине в агрохолдинг не вошли – то ли в силу рельефа местности, изрытого каменными проплешинами и непригодного для серьезных сельхозугодий, то ли в силу отдаленности от основных производственных цехов, но не вошли. Вот мужики и крутились самостоятельно как могли. Фермерствовали по-маленьку, но больше затратно и убыточно, не хватало ни смекалки хозяйской, ни средств.

А тут Влад по удачному стечению обстоятельств приобрел небольшую гостиничку туристического типа, как раз по профилю одного из направлений его деятельности, недалеко от Новгорода, на территории крупной спортивно-туристической базы.

Там же находился довольно известный ресторан традиционной русской кухни, в который знающие люди и гурманы ездили со всех окрестностей. Как-то раз он совсем поздно освободился и уговорил администратора уже закрывшегося ресторана покормить его. К нему за столик подсел сам шеф-

повар, он же хозяин ресторана, познакомиться с новым владельцем гостиницы, они разговорились, и мужик пожаловался Битову на качество продуктов. Слово за слово, и выяснилось, что готов ресторатор взять в совладельцы любого, если тот сможет произвести толковый ремонт и перепланировку помещений и поставлять достойные продукты.

Влад пообещал поспрашивать, не интересуется ли кто, похвалил блюда, оставил щедрые чаевые и уехал. Но разговор тот не забыл.

И в один из приездов к бабушке не поленился и подъехал к хуторянам, порасспрашивать, что и как и на предмет дальнейших перспектив. Выслушал жалобы и сетования, посмотрел хозяйство. Он лично в сельском хозяйстве ни черта не понимал, кроме того, как потреблять его продукцию, но был у него друг, которого он давно хотел пристроить к нормальному делу.

Они с Сашкой прошли вместе всю службу в армии и весь тот гребаный конфликт, и единственные уцелели из всего взвода. Сашка Барков до армии жил в маленьком городишке недалеко от Вязьмы, работал на подхвате на любых должностях по местным селам еще лет с тринадцати и знал и любил землю и деревенский труд.

Он вообще такой вдумчивый, немногословный, упертый и по-крестьянски хитроватый мужик. Все у него в руках спорилось, ладилось, за что ни брался. Сначала долго обдумывал дело, прикидывал, как лучше и надежнее его справить,

приговаривал:

– С кондачка только на глупую телку хорошо, и то промахнуться можно.

После армии он отходил долго. Осел в Питере, чтобы рядом с Владом находиться, все боялся, если не подстрахует, вдруг с другом что случится. Маялся душой, пил, не мог найти себе применения в этой жизни, съездил в родные места, вернулся и запил еще горше. Пока Битов пинками не заставил его поступить в сельскохозяйственную академию и окончить ее. А там Сашка расцвел, оклемался, в родной стихии оказался, и учился в удовольствие, и подрабатывал вместе с Владом и его отцом, не голодал. А отучившись, вернулся к себе на родину.

И опять что-то не пошло. Его-то как специалиста ценили, переманивали с хозяйства на хозяйство, да и зарабатывал он неплохо, но какая-то там мутная и непонятная история с девушкой у него случилась: не то она его бросила, не то он ее. Сашка в подробности не вдавался, сказал только Битову, сука, мол, она оказалась бездушная. И на том замолк, а Влад и не расспрашивал. У него самого с женским полом ни два ни полтора – довольствуется необременительными связями и вполне прекрасно себя чувствует. Не влюблялся никогда, не говоря о серьезных настоящих чувствах, и не парится на этот счет.

Если до конца честно, то года два после армии он был напроць потерян для любых отношений с женщинами, кроме

одноразовых, и то соблюдал строгое правило: дама никогда не остается на ночь. А следующие года три придерживался этого правила по привычке.

Если кому интересно почему, почитайте про посттравматический синдром, может, что поймете. Влад-то точно понимал, вернее, поначалу интуитивно догадывался, а потом ему объяснили профессионалы, что смотреть на мир глазами взбесившейся раненой собаки, ожидающей нападения, не совсем нормально.

Битов спасался учебой, работой с отцом, экстремальными туристическими походами и не отказывался от помощи – прошел специальный лечебный курс в реабилитационном центре.

Все давно прошло. Память вот только осталась да шрамы старые, зудящие на погоду.

А Сашка Барков сам, как мог, исцелялся. Тоже справился. Мужик!

Ладно, вернемся к теме.

Договорился Влад с теми хуторскими, что организовывают они фермерское хозяйство, куда войдут оба хутора впополаме. Ну почти – у Битова пятьдесят один процент, остальные сорок девять их. Они, разумеется, покочевряжились, выторговать пытались другой расклад, но Влад напомнил, что ему придется не только оплачивать их долги, накопленные годами, но и серьезно вкладываться в дело, чтобы поставить его на ноги. Мужики репы почесали, но возразить было нече-

го – не ушлые они оказались, не хозяйственные, да и леноваты и выпить-закусить уважали, а любое дело труда и уважения требует и трезвой головы. Понимая все это, Влад и вызвал Сашку, и поставил директором со всем широким спектром полномочий мужиков гонять и контролировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.